

Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология

М. А. Кронгауз

В докладе рассматривается русский речевой этикет в его развитии, а также в кросскультурном сравнении. Анализируется набор типовых ситуаций речевого общения, и речевое поведение в этих рамках русских и "стандартных" европейцев (по Уорфу). Особое внимание уделяется приветствию, причем не конкретным формулам, а самому факту наличия соответствующего речевого акта.

Речевой этикет и его изменение

Уже почти два десятилетия состояние русского языка характеризуется крайней нестабильностью. Принципиальным рубежом можно считать 1985-й год, ставший тем самым не только политической и социальной, но и лингвистической вехой, после которой в русском языке и русском дискурсе возникли и до сих пор продолжают совершаться совершенно новые процессы.

В конце 80-х и в 90-х годах проблематика изменений в русском языке в позднюю советскую и постсоветскую эпоху становится чрезвычайно популярной. Среди наиболее авторитетных работ можно назвать, например, коллективную монографию «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)», изданную в 1996 году и продолжающую традиции социолингвистического изучения русского языка шестидесятых годов. Следует также назвать ряд монографий на эту тему: Русский язык в его функционировании 1993; Ферм 1994; Дуличенко 1994; Костомаров 1994; Купина 1995; Comrie, Stone, Polinsky 1996 (по существу – исправленное и дополненное переиздание Comrie, Stone 1978); Popp 1997; Шапошников 1998; Современный русский язык 2003 и др.

В центре внимания исследователей, как правило, находится состояние русского лексикона, и, прежде всего, его пополнение. Наряду с упомянутыми монографиями существует множество статей, посвященных появлению новых слов и значений (заимствования, жаргонизмы и т. п.). Особое внимание к лексике и опора при оценке состояния языка именно на лексические изменения характерны не только для лингвистов, но и для обычных носителей языка. Рефлексия общества в целом по поводу языка связана также в большой степени со скоростью изменения лексикона (Вепрева 2002).

Гораздо менее заметными оказываются изменения в речевом поведении вообще и в речевом этикете в частности. По-видимому, старшее поколение рассматривает результат подобных изменений как простое и случайное нарушение (невоспитанность молодежи и т. п.), а младшее – напротив, как норму. Собственно же процесс изменений остается незамеченным. Кроме того, поскольку в лингвистике до сих пор не существует общепринятой кодификации речеповеденческих норм, устаревший срез очень быстро вытесняется из сознания носителей языка. Тем не менее, изменения в речевом поведении и речевом этикете происходят и притом весьма значительные. Стандартное речевое

поведение русского человека перестает восприниматься как стандартное, а становится лишь одним из возможных, допустимых типов поведения. Оно может оцениваться даже как не правильное или не вполне правильное людьми, выбирающими другие стратегии поведения, другой речевой этикет.

При изучении речевого этикета нельзя избежать ставших уже классическими работ Э. Гоффмана, Дж. Лича, П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson 1987; Goffman 1967, 1971; Leech 1977, 1983). Так, Э. Гоффман относит приветствия к ритуалам почтительности, которые способствуют созданию и усилению положительного образа (имиджа) адресата. Дж. Лич говорит о постулатах симпатии и признания, безусловно, связанных с приветствиями и обращениями. П. Браун и С. Левинсон вводят понятия позитивной и негативной вежливости. К первому типу вежливости как раз и относится рассматриваемый в настоящей статье языковой материал. К сожалению, указанные работы мало известны в России, и поэтому соответствующие теории вежливости практически не применяются к русскому языку. Пожалуй, единственным исключением следует считать книгу австрийского русиста Ренаты Ратмайр (2003), активно использовавшей понятие позитивной вежливости при описании извинения в русской культуре.

В области же исследования русского этикета практически нет фундаментальных теоретических работ. В основном работы по этикету носят прескрипционный характер («как надо») и ориентированы на иностранцев, изучающих русский язык (Гольдин 1983, Формановская 1989, ср. также популяризованный вариант последней монографии Формановская 2002). К конкретному языковому материалу (в данном случае – к речи в естественных условиях) лингвисты обращаются крайне редко (здесь можно назвать, пожалуй, только книги Земская 1979 и Ратмайр 2003). Попытку теоретического анализа русского этикета с лексикографической позиции предпринимает А. Г. Балакай (Балакай 2001, 2002).

Вместе с тем, следует отметить, что в принципе речевой этикет лучше поддается дискретному описанию, чем дискурс или речевое поведение в целом. В настоящей работе рассматривается ряд стандартных речевых ситуаций, и проводится сравнительный анализ речевых реакций, а именно приветствий, в разных культурах. Это и определяет внешнюю типологию речевого этикета. Внутренней типологией будет называться сравнение речевых этикетов, которые относятся к одной национальной речевой культуре, но к разным временным срезам.

Внешняя типология

Культурная обусловленность речевого этикета очевидна и не требует особой аргументации. Представители разных культур по-разному обращаются, здороваются, прощаются, извиняются и благодарят друг друга. Подобные сравнения проводятся достаточно часто, прежде всего, в учебниках для иностранцев (достаточно популярная ныне область межкультурной коммуникации). Однако особый интерес представляет реакция на перенос речевого этикета в другую культуру с точки зрения представителей последней. **Очевидно, что часто нейтральное речевое поведение, с точки зрения одной культуры, воспринимается как неправильное, в частности, агрессивное, представителями другой культуры.** В этом смысле речевое общение русских и иностранцев, как на русском, так и на иностранном языке, и их взаимная реакция практически не исследованы (некоторые шаги в этом направлении сделаны Р. Ратмайр в Ратмайр 2003). Приведу пример, связанный с моей собственной реакцией на распространенную французскую просьбу, выражаемую конструкцией из слов *merci de + infinitif* (или

отглагольное существительное), например, *merci de me rendre qch* или *merci de votre compréhension* (последнее, как правило, заключая констатацию некоего положения дел, не слишком приятного для адресата). Эту конструкцию достаточно сложно перевести на русский язык, поскольку русское *спасибо* – естественный перевод французского *merci* – является реакцией на уже совершившееся событие. В данных же примерах речь идет о благодарности за еще не сделанное действие, которое состоится в будущем. В русском языке «благодарность вперед» возможна, однако значительно более редка. Существует выражение «заранее благодарен», используемое в письменной речи (как правило, в письмах). Оно включает некую просьбу и выражает определенную подчиненность пишущего, более низкий статус. **Выражение *merci de votre compréhension* можно перевести на русский язык как *надеюсь (или надеюсь) на ваше понимание*.**

Данная конструкция, безусловно, относящаяся к средствам выражения вежливости, вызвала у меня устойчивую негативную реакцию и воспринималась, напротив, как не вполне вежливое и достаточно агрессивное действие. Опрос русских, живущих во Франции, показал, что эта реакция не единична и, по крайней мере, не случайна. **Выражение благодарности за еще не совершенное действие воспринимается как навязывание этого действия,** то есть не как вежливая просьба, а, скорее, как агрессия, спрятанная за этикетной формой благодарности, что совершенно не характерно для русского этикета. Перевод *merci* с помощью *надеюсь* не адекватен, поскольку данное русское слово выражает неуверенную просьбу в отличие от самоуверенной (если не сказать – самоуверенной) благодарности за еще не случившееся. Произнесенная благодарность обязывает адресата следовать навязанной стратегии, предопределяет его действия и лишает возможности выбора.

Описанная ситуация подтверждает достаточно важный, хотя и очевидный факт: использование речевого этикета одной культуры (в данном случае этикетных средств, направленных на установление положительного контакта, доброжелательных отношений и других позитивных реакций) по отношению к представителю другой культуры может вызывать непредвиденные негативные последствия, в частности, восприниматься как своего рода агрессия.

Безусловный интерес представляют также регулярные различия в области приветствия, особенно если мы говорим не о выборе той или иной формы, а о совершении или несвершении акта коммуникации, то есть о выборе между говорением и молчанием. Рассмотрим три стандартных ситуации и поведение в них носителя русского языка и русского речевого этикета в сравнении с условным «европейцем». Вводя вслед за Б. Уорфом «европейский стандарт», я, очевидным образом, огрубляю положение дел, поскольку, скажем, речевое поведение финнов значительно отличается от поведения итальянцев. В данном случае я рассматриваю усредненный континентальный европейский речевой этикет, ориентируясь прежде всего на его отличия от русского и пренебрегая существующей между национальными этикетами разницей.

Для сравнения этикетного поведения предлагаются следующие ситуации, которые можно условно обозначить как ДОМ, ПУСТЫННАЯ МЕСТНОСТЬ, МАГАЗИН.

В первом случае в городском¹ многоквартирном ДОМЕ (в подъезде, в лифте, на лестнице и т. п.) встречаются два незнакомых человека, и при этом не предполагается никакая коммуникация. В этой ситуации европейцы, как правило, здороваются, а русские нет. Более того, двое незнакомых русских в лифте не здороваются, даже если предполагается минимальная коммуникация типа «Вам какой этаж?» Будучи в Германии и других

¹ Существенно, что речь идет о городе, поскольку в сельской местности могут действовать другие правила.

европейских странах, я отметил, что во внутреннем дворе или поблизости от подъезда, если данное пространство как-либо выделено, например, огорожено, незнакомые люди также здороваются, то есть можно говорить об особом пространстве ДОМА, где действует данное правило этикета. Вне его незнакомые люди уже не приветствуют друг друга. Во втором случае в ПУСТЫННОЙ МЕСТНОСТИ (в горах, в лесу и т. п.) встречаются два незнакомых человека, и при этом, как и в первом случае, не предполагается никакая коммуникация. В этой ситуации европейцы также здороваются, а русские также обычно нет. Впрочем, если один из незнакомцев вступает в коммуникацию, например, спрашивает дорогу, он может предварительно поздороваться. Следует отметить, что данная ситуация не вполне стабильна. Мне, в частности, приходилось наблюдать поведение европейцев на длинной (несколько километров) тропе, соединяющей автомобильную стоянку и монастырь, закрытый для посещений, то есть в отличие от стоянки не являющийся публичным местом. Вероятность приветствия уменьшалась по мере приближения к стоянке, хотя, конечно, четкой границы провести в этом случае невозможно. Тем не менее, очевидно, что на стоянке люди не приветствовали и не должны были приветствовать друг друга. Интересно, что приветствие также зависело и от количества людей во встречающихся на тропе компаниях. **Иначе говоря, вероятность приветствия при встрече двух одиноких путников вдали от публичного места максимальна.**

Первые две ситуации сходны в том смысле, что незнакомые люди встречаются в некоем пространстве, выделенном из «большого» мира. ДОМ или ПУСТЫННАЯ МЕСТНОСТЬ являются своего рода малыми пространствами, где для европейцев все незнакомцы как бы автоматически становятся «своими». Это не происходит, например, на площади в городе, даже если на ней в какой-то момент оказываются всего два человека. Для русских таким малым пространством становится не ДОМ, но, например, КВАРТИРА. Если, находясь в гостях, два незнакомых человека столкнутся на кухне или в коридоре, то они, безусловно, поздороваются. Интересно, что, по-видимому, такие же этикетные правила действуют в русской деревне, где два незнакомых человека обычно здороваются, встречаясь на пустынной улице.

В третьем случае речь идет о МАГАЗИНЕ, где происходит стандартная коммуникация покупателя с продавцом, например «Мне двести грамм колбасы, пожалуйста» или «Мне, пожалуйста, вот этот кусочек сыра», или с кассиром при оплате покупки. Вежливая коммуникация на русском языке не подразумевает приветствия, для европейцев же обмен приветствиями практически обязателен. Ситуацию МАГАЗИН можно обобщить и рассматривать в целом ситуацию профессиональной коммуникации «клиент – лицо, выполняющее служебные обязанности». Сюда относится и общение в различных сферах сервиса, в транспорте (например, между водителем автобуса и пассажиром или между кондуктором и пассажиром). Если речь идет о стандартной профессиональной коммуникации (*Ваш билет, пожалуйста, У вас можно купить билеты?* и т. п.), в русском речевом этикете приветствия не только не обязательны, но, скорее, неестественны и выглядят странно. Для данного типа ситуаций нужно отметить также и почти обязательное отсутствие в русском речевом этикете прощания. Заключительной вежливой фразой может являться благодарность – *спасибо* и т. д.

Подводя итог рассмотрению трех описанных ситуаций, **можно сказать, что в отличие от европейского этикета русский не требует приветствия от незнакомых людей в ряде ситуаций, а именно – ни при отсутствии дальнейшей коммуникации, ни при краткой стандартной коммуникации, в том числе, коммуникации типа «лицо, выполняющее служебные обязанности – клиент». В этих ситуациях, следовательно, можно говорить о меньшей контактности русских либо вовсе не вступающих в коммуникацию (обмен приветствиями без продолжения коммуникации тем не менее сам уже является**

коммуникацией), либо строго ограничивающихся краткой стандартной коммуникацией. Более того, приветствие в такой ситуации может восприниматься русским как в некоторой степени агрессивное поведение, или точнее – как прелюдия к возможной агрессии, в лучшем случае, к нежелательному разговору (например, в лифте).

Если оценивать в целом стратегии поведения в рассматриваемых ситуациях, то европейскую можно было обозначить как «мы (ты и я) – свои», а русскую – как «ты для меня не существуешь».

Меньшая контактность подтверждается и русским телефонным этикетом. При звонке куда-либо и дальнейшем разговоре по телефону с неким посредником (которого просят позвать к телефону требуемое лицо) русские реже, чем европейцы, здороваются и практически никогда не представляются. Так же и в том случае, если в служебной ситуации человек берет трубку, он, в отличие от европейского этикета, не должен представиться, а может ограничиться словами *алло* или *да*. Мои японские коллеги отмечали, что для них естественно представиться, даже если они задают вопрос на конференции.

Таким образом, наряду с меньшей контактностью можно говорить и об определенной анонимности, свойственной русскому речевому этикету. Однако это вступает в противоречие со многими известными фактами. Это противоречит и высказанной Р. Ратмайр мысли о том, что в русской культуре большое значение имеет позитивная вежливость (Ратмайр 2003, 21). Р. Ратмайр пишет также, что «вежливость русских в большей мере является «вежливостью сохранения солидарности», т. е. позитивной вежливостью в терминах Brown, Levinson (1987: 101 и сл.), чем западноевропейская «вежливость сохранения дистанции», или негативная вежливость (там же 129 и сл.)» (Ратмайр 2003, 27). Кроме того, в статьях Кронгауз 1999; Кронгауз, Такахаси 2002, уже отмечалась особая значимость обращения по имени (или имени отчеству) для русского этикета. Так, если судить по использованию обращений, русский речевой этикет предполагает более короткую нейтральную дистанцию между собеседниками, чем европейский.

Итак, налицо противоречие: с одной стороны, русский речевой этикет в сравнении с условным «европейским» подразумевает большую дистантность и анонимность (как видно из анализа употребления приветствия), с другой стороны, – большую контактность и открытость (как видно из анализа форм и употребления обращений). Однако противоречие это мнимое. Дистантность и анонимность характеризуют ситуации с отсутствием коммуникации или с формальной коммуникацией. Контактность и открытость, напротив, характеризуют неформальное, так сказать, полноценное общение. Надо заметить, что такая интерпретация вполне соответствует стереотипному мнению о русском характере, «мало улыбаются, но после знакомства очень (иногда слишком) дружелюбны» и т. д. Если же ограничиться речевым общением и речевым этикетом, то можно, по-видимому, сделать следующее обобщение. Для современного европейского этикета характерна тенденция к стандартизации речевого общения, определенная независимость речевого поведения от знакомства/незнакомства или даже степени знакомства коммуникантов. Европейский речевой этикет предлагает одну или, в крайнем случае, несколько речевых стратегий, нейтральных и применимых во множестве ситуаций. Для русского речевого этикета, напротив, характерен большой языковой выбор и, соответственно, спектр речевых стратегий, однако часто бывает трудно выбрать из них единственную нейтральную, эмоционально ненагруженную. Особенно остро это ощущается в период изменения этикета.

Заключение, или внутренняя типология

Подведение итогов следует начать с утверждения относительности рассмотренного выше материала. За несколько последних лет общее положение значительно изменилось. Произошел определенный сдвиг русского речевого этикета в сторону европейского². Прежде всего речь идет о стандартной ситуации МАГАЗИН. Дело в том, что эта ситуация, в отличие от двух других и даже в отличие от близких к ней ситуаций в транспорте, в медицинских учреждениях и др., попадает в сферу корпоративного этикета. Во многих крупных магазинах Москвы (в том числе, открытых европейскими и американскими компаниями) действует свой обязательный корпоративный этикет. Так, продавец или кассир в таком магазине обязательно здороваются с клиентом. Не ответить в данном случае на приветствие было бы откровенной грубостью. Естественно, что постоянные покупатели сами начинают здороваться с продавцами и кассирами.

Определенные изменения происходят и в ситуации ДОМ. Все чаще отмечаются случаи обмена приветствиями во дворе и подъезде ДОМА, причем это касается, в основном, молодого и среднего поколения (автор наблюдал это в Москве). Можно только предполагать, что здесь также сказывается знакомство с европейским этикетом, причем, по-видимому, непосредственное.

Настоящая статья представляет собой опыт описания особенностей русского речевого этикета в сравнении с условным европейским стандартом (усредненным континентальным европейским речевым этикетом без учета существующих между национальными этикетами различий). Русский речевой этикет представлен в своем развитии, причем особое внимание было уделено именно изменениям, происходящим в последние два десятилетия.

Среди наиболее важных конкретных выводов можно назвать следующие. Традиционный русский речевой этикет в сравнении с условным «европейским» подразумевает, с одной стороны, большую дистантность и анонимность в ситуациях с отсутствием коммуникации или с формальной коммуникацией, с другой стороны, – большую контактность и открытость в ситуациях неформального, полноценного общения.

В конце двадцатого и начале двадцать первого века русский речевой этикет претерпевает значительные изменения, во многом вызванные влиянием европейской и американской традиций. Это касается как правил поведения (например, когда и с кем здороваться), так и выбора того или иного этикетного выражения.

Наконец, безусловный психолингвистический интерес представляет тот факт, что подобные достаточно значительные и, главное, системные изменения осознаются далеко не всеми носителями языка. Во всяком случае, рефлексия по этому поводу намного слабее, чем рефлексия по поводу отдельных заимствований.

Литература

1. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк, 2002.
1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.
2. Гольдин В. Е. Речь и этикет. М., 1983.

² Необходимо еще раз подчеркнуть условность термина «европейский». Во многих случаях правильнее говорить о влиянии американской культуры, как на европейский, так и на русский этикет. Так, по-видимому, одним из первых, если не первым, заметным корпоративным этикетом в России стал речевой этикет Мак-Доналдса.

3. Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. München, 1994.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения (глава "Речевой этикет", с. 218-233). М., 1979.
5. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над языком современных масс-медиа. М., 1994.
6. Кронгауз М. А. Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999, с. 124-134.
7. Кронгауз М. А., Такахаси К. Обращение по имени в русском и японском языках // Труды по культурной антропологии: Памяти Григория Александровича Ткаченко. М., 2002, с. 252-274.
8. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь речевых действий. Екатеринбург – Пермь, 1995.
9. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.
10. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1993.
11. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.
12. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.
13. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994.
14. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М., 2002.
15. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
16. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. 2 ed., Cambridge, 1987.
17. Comrie B., Stone G. The Russian language since the Revolution. Oxford, 1978.
18. Comrie B., Stone G. and Polinsky M.: 1996, The Russian Language in the Twentieth Century, Oxford.
19. Goffman E. Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. New York, 1967.
20. Goffman E. Relations in public. New York, 1971.
21. Leech G. N. Language and tact. Trier, 1977.
22. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London, New York, 1983.
23. Popp H. Ideologie und Sprache. Untersuchung sprachlicher Veränderungen und Neurungen im Kontext der politischen und wirtschaftlichen Umgestaltungsprozesse in der ehemaligen Sowjetunion. Marburg, 1997.

